

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Любвеобильный джек-пот
Встретимся в другой жизни	Длинная тень греха
Я – его алиби	Личное дело соблазнительницы
Девушка с секретом	Большие проблемы маленькой блондинки
Блудница поневоле	Красотка печального образа
Неплохо для покойника	Ночь с роскошной изменницей
Стервами не рождаются!	Окно в Париж для двоих
Дожить до утра	Лицензия на harry end
Крестный папа	Черная корона
Ничто не вечно под луной	Рыцарь чужой мечты
Миллион причин умереть	Демон искушения
Рыжая-бесстыжая	Грешница в шампанском
Охотники до чужих денег	Принцип Отелло
Мужей много не бывает	Исполнительница темных желаний
Ты у него одна	Жизнь нежна
Любитель сладких девочек	Мода на чужих мужей
Игры в личную жизнь	Пока смерть не разлучит нас
Черт из тихого омута	Завтра не наступит никогда
Обмани меня красиво	Пять минут между жизнью и смертью
Старая тайна, новый негодяй	Любовь окрыляет
Миллионерша поневоле	Единственная моя
Внимание: неверный муж!	С первого взгляда
В любви брода нет	Второй подарок судьбы
Последняя ночь с принцем	Зеленые глаза викинга
Осколки ледяной души	Тайна, приносящая смерть
Счастье по собственному желанию	Цвет мести – алый

ШАБА 1

В кабинете было прохладно и сумрачно. Кондиционер, выставленный на двадцать два градуса, работал исправно. На окнах были опущены жалюзи.

— Там был кто-то еще! Это не я! — попыталась возмутиться девушка, сидевшая к нему спиной, лицом к подполковнику Хмельновой.

— Кто был? — ровным спокойным голосом поинтересовалась Маргарита Сергеевна.

— Я не знаю! Я не помню! — узкая спина девушки выгнулась дугой, послышался характерный всхлип. — Но это не я!

Он внимательно наблюдал за допросом, который проводился в кабинете, а не в комнате для допросов. Хмельнова настояла. Наблюдал не потому, что его кто-то попросил об этом. Сам захотел. Очень ему было интересно, как Хмельнова станет «крутить» подозреваемую в убийстве своей знакомой.

О ее профессионализме ходили легенды. И раскрываемость будто у нее была выше некуда. И преступников «колола» на щелчок пальцев. Правда, непонятно было, почему ее при таком рейтинге и

заслугах сослали с самого верха в их отдел в районном отделении полиции. Он попытался узнать — тишина.

— Никто не знает, Дима! Полковник, конечно, в теме, но разве он расскажет! — шептала ему по секрету дознаватель Верочка Умова, склоняясь над столом в его сторону, когда они обедали в их ведомственной столовой. — Тетка жуть какая крутая. Но где-то попала. Будь с ней осторожнее.

Он согласно кивал, а про себя думал, что осторожничать ему следовало больше с Верочкой, нежели с Хмельновой. Слишком уж стремительно дознаватель Умова в последнее время сокращала между ними дистанцию...

— А кто?

Хмельнова глянула на подозреваемую исподлобья, замерла с авторучкой, занесенной над девственно чистым протоколом допроса.

— Я не знаю! — в девяносто девятый, наверное, раз повторила девушка.

— А кто знает? — этот вопрос тоже повторялся за последние полчаса неоднократно.

— Я не знаю!

Ладони девушки легли на лицо, плечи задержались. Она заплакала. Хмельнова наблюдала за ее слезами без эмоций. Дима вообще сомневался, что эта женщина способна чувствовать хоть что-то. Она смотрела на окружающий ее мир всегда одинаково: холодно и равнодушно. Никогда не улыбалась. Боже упаси ей засмеяться!

Ему она напоминала его учительницу по биологии. Та была такой же: холодной, надменной, бес-

• *Лабиринт простых сложностей* •

чувственной. Они даже внешне были похожи. Узкое лицо, высокий лоб, гладко зачесанные в старомодный пук черные волосы без намека на седину. Рост под метр восемьдесят, худая до измождения. Никакого лака на ногтях. Чистые короткие ногти. Всегда низкие каблуки и темная одежда.

Да, одно лицо с его учительницей по биологии. Он поймал себя на мысли, что ждет, что Хмельнова вот-вот скажет девушке:

— Садись, не готова, два!

Конечно, она ей так не скажет. Но сидеть девушке придется. Потому что она зарезала свою знакомую в момент бытовой ссоры. И почти ничего из событий того рокового вечера не помнит. Просто был алкоголь, много запретных разговоров и тот самый один-единственный, которого они пытались поделить между собой.

— Банально до отвращения, — прошипела Хмельнова, когда дело легло на ее стол. — О чем думают эти дуры, бросаясь на шею подобному мерзавцу?

Дима удивленно глянул на нее, промолчал. Но Хмельнова, надо отдать должное ее проницательности, тут же все поняла.

— Вы, Дмитрий, считаете, что в данной ситуации девушки сами виноваты?

— Допустим, — пробубнил он невнятно.

Ему страшно не хотелось вступать с Хмельновой в дискуссии. Теткой она казалась ему зловредной и злопамятной. Эти слухи о ней уже вдогонку к его мнению прилетели, без уточнения причин ее понижения в должности.

— Нельзя себя навязывать мужчине, если он это так откровенно не хочет, — все же решил он уточнить.

— А если этот самый мужчина — отъявленный засранец? И ему нравится играть судьбами таких вот дур, как эти девушки? — прищурила в тот момент холодные темные глаза Хмельнова. — Он провоцирует их, сталкивает лбами, наблюдает со стороны и потешается. А то еще и ставки делает. Да, да, не надо изображать недоверие, юноша. И такое в моей практике встречалось.

— И чем закончилось? Тоже соперницы сошлись в поединке?

— Нет. Поножовщины не случилось... А еще бывает, что кто-то что-то придумал для себя и намертво в это поверил. — Хмельнова повернулась к нему спиной, что-то высматривая за окном. — И в этом случае одна из них оставила записку, в которой обвиняла своего парня. И вышла из окна десятого этажа.

— И что, парню ничего не было? — заинтересовался Дима.

— Следствие не смогло доказать его вины. Девушка сама...

— Была виновата? — хмыкнул он.

— Нет. Она просто расценила его знаки внимания неправильно. Немного не так, как следовало. Решила, что он ею увлекся. А он... — она резко повернулась, так же равнодушно глядя. — А он просто старался быть вежливым. Но это совсем не то, что мы имеем на данный момент. Здесь для меня все очевидно.

• *Лабиринт простых сложностей* •

Он смотрел вопросительно. И она снизошла до объяснения:

— Мерзавец спал с обеими. Каждую уговаривал держать их отношения в тайне, уверял, что любит только ее, а ту — другую — избегает. И вообще не знает, как от нее отделаться. Банально до отвращения. Получим признательное и будем двигаться дальше...

Но вот с признательным выходила просто беда. Девушка наотрез отказывалась признавать вину. И на каждом допросе твердила одно и то же:

— Это не я... Там был кто-то еще... Я не помню, не видела — кто.

Хмельнова из кожи вон лезла, загоня девушку в угол такими же односложными вопросами:

— А кто это был?.. А кто знает?.. А кто видел?..

Результата не было.

— Так и до психиатрической экспертизы недалеко, — проворчала Хмельнова, когда подозреваемую увел конвоир. — Может, она под дурочку косит? Что молчишь, капитан? Какое твое мнение?

Она вдруг пару дней назад перешла с ним на «ты». Неужели! Спросила его мнение! Обалдеть!

— Не думаю, что она пытается выставить себя нездоровой, — осторожно начал Дима. — Она просто была пьяна и ничего не помнит. Так бывает.

— Но анализ ее крови установил, что она выпила не больше двух бокалов вина. Этого недостаточно, чтобы вообще ничего не помнить. И жильцы подъезда, которые вызвали полицию, в один голос утверждают, что, открыв дверь на крики, увидели, как наша подозреваемая держит окровавленный нож в руке

и орет. Стоит над лежащей на лестничной площадке мертвой девушкой с ножом в руке и орет не своим голосом. Ну что тут огород-то городить, капитан? Убила, а теперь — не помню.

— Может, и не помнит из-за сильнейшего психологического потрясения.

— Да помнит она все! — резко возразила Хмельнова, заходя в кабинет со сложенными на груди руками. — Она не была пьяна настолько, чтобы не помнить. Не дура, по глазам вижу. Выгораживать некого. На подъездных камерах никто не засветился на момент убийства. Никто, кто был заинтересован в смерти ее знакомой. Ты всех проверил?

— Да, — не совсем уверенно произнес он. — Всех, кто входил и выходил из всех четырех подъездов этого дома на момент, предшествующий убийству, и после него.

— Никого, заслуживающего нашего внимания? — встала Хмельнова перед его столом.

— Никого, — уже увереннее проговорил Дима.

— А убитая девушка? Ты проверил ее контакты, друзей, знакомых, родственников?

— Не все, — вот тут он не стал врать, потому что почти никого еще не проверил. — Времени не хватило. Я один. Все в отпусках.

— Нашли тоже время в отпуску уходить, — проворчала Хмельнова, отходя от его стола. — Я, конечно, понимаю, почему ты не усердствуешь, капитан. Готовая подозреваемая в камере, чего лишние телодвижения совершать, так? Так... А вдруг? Вдруг она говорит правду? Вдруг это не она убила соперницу?

• *Лабиринт простых сложностей* •

— А кто? — с усталым вздохом спросил Дима. — Мы же с вами знаем, как было дело, товарищ подполковник.

Да, они совершенно точно знали, что четыре дня назад, вечером, ближе к девяти, девушки встретились на квартире жертвы. Она, собственно, и настояла на встрече. И даже накрыла стол, выставив бутылку вина и торт. У двери, встретившись, девушки даже обнялись. Уселись за стол и...

И тут началось!

Они принялись выдавать друг другу ту самую страшную тайну, которую их общий любовник слезно просил обеих скрывать.

— А почему? Почему именно тем вечером? Почему точки понадобилось расставить именно тогда? Ни днем раньше. Ни днем позже. — Она дождалась его недоуменно поднятых плеч и удовлетворенно ответила самой себе: — Потому что их любовник тайно сообщил каждой, что уезжает в длительную командировку на Сахалин. На год! И хочет взять...

— Каждой из них он сказал, что именно ее, — продолжил Дима.

— Именно. И сетовал, гаденьш, что не может сделать одной из них больно, рассказав правду о другой. По сути, он столкнул их лбами. Устроил поединок.

— И избавился сразу от обеих. Его тоже надо бы привлечь к ответственности, товарищ подполковник.

— погоди, не перебивай мою мысль, капитан. — Тонкий палец с коротким ногтем прилип к ее подбородку, взгляд поплыл. — Девушки принялись выяснять отношения, сидя за столом и выпивая. Ссора набирала обороты. Каждая мнила себя единственно

любимой, а соперницу считала помехой. В какой-то момент их ссора выкатилась за пределы квартиры и...

Она растерянно глянула, нахмурилась.

— Как они оказались на лестничной клетке двумя этажами ниже, капитан? Почему именно там одна убила другую? Не в квартире, где никто не увидел бы подозреваемую с ножом в руке. Почему там?

— Может, та, что убила, в какой-то момент захотела уйти? А хозяйка квартиры, решив, что ничего еще не ясно и не решено, бросилась за ней следом...

— С ножом в руке! — перебила его Хмельнова с хищным прищуром. — Набросилась на нашу подозреваемую, а та, начав обороняться, убила соперницу по неосторожности. А что? Чем не версия?

— Ей бы именно так и говорить, а она молотит про кого-то третьего, и все тут! Да! — неожиданно вспомнил он. — Откуда у нее синяк?

— Синяк? — подняла тонкие брови Хмельнова. — Какой синяк?

— Когда она сидела ко мне спиной, я обратил внимание на синяк за ее левым ухом. Довольно большой. Под воротником ее рубашки не очень удалось рассмотреть. Но синяк точно имеется. Откуда?

— Наверняка получила его в момент драки с соперницей, — как-то даже беспечно отозвалась Хмельнова.

И вдруг задумалась. И произнесла после непродолжительной паузы:

— Но уточнить все же необходимо. А вообще, капитан, не следует нам так глубоко рыть. А то, не дай бог, шахтеры полезут. Банальное же дело. Просто до тошноты банальное.

ШАВА 2

Иван стоял перед зеркалом в собственной ванной и репетировал. Нужного выражения лица не выходило. Где боль, раскаяние, скорбь, наконец? Почему любимая им, симпатичная физиономия расплывается в довольной ухмылке, как он ни пытается ее погасить?

— Блин! — фыркнул он, брызнув на зеркало воды из пригоршни. — Экий ты мерзавец, Ваня!

Конечно, мерзавцем он себя не считал. Он себя любил чрезмерно. И ругать, осуждать или, упаси господи, ненавидеть себя не имел никакого права. Он хороший! Умный, правильный, без вредных привычек. Любовь к женщинам не в счет. Он всегда умел заработать. И навыки не растерял. Он сам для себя был прекрасным стрелочником, умело направляя себя на нужные рельсы. Когда становилось опасно, он загонял себя в тупик и пережидал. Как вот сейчас.

Неожиданно лицо его сморщилось, как от боли. Иван вспомнил, какого выгодного предложения лишился по вине этих двух дур.

— Смотри, Ваня, второй раз не предложу, — разочарованно глянул на него один из знакомых, периодически подгоняющих ему темы для заработка. — Реальные же бабки можно срубить, почти ничего не делая. Взял, отвез, передал. Все!

— Да понимаю я. Но вдруг менты меня пасут?

— Из-за чего? Из-за того, что твои телки тебя не поделили? Так Ирка вроде уже под стражей.

— Под стражей. Но в суд-то ее не везут пока, почему? — он удрученно смотрел на знакомого. — Почему? Есть сомнения потому что. Начнут рыть, блин... Может, за мной уже наблюдают!

— А ты при чем? — таращил глаза знакомый и инстинктивно начинал оглядываться. — Ты же ни при чем?

— Разумеется! — фыркал Иван оскорбленно. — Вся моя вина в том, что вовремя не сумел отделаться от них. Или хотя бы от одной из них. Кто же знал, что Ирка поедет к Алле в гости? И схватится потом за нож! Вот дуры!

И еще какие, но...

Но Иван не мог не признать, что сложившаяся ситуация ему на руку. Он избавился сразу от обеих. Долго тянул, все намекал, намекал. Бросить не решился. Они же просто вымотали ему все нервы! Достали звонками и сообщениями. Хорошо он на квартиру к себе их не возил. Иначе у двери бы ночевали.

В дверь позвонили. Иван закрутил краны. Вытер полотенцем зеркало. Убрал самодовольство с физиономии и пошел открывать.

Он знал, кто к нему явился. Они договаривались о встрече вчера вечером.

— День добрый, проходите, — гостеприимно распахнул он дверь пошире, впуская капитана полиции Дмитрия Андреева.

Он старался выглядеть удрученным: голова низко опущена, уголки рта тоже, глаза полуприкрыты. Так, наверное, должна была выглядеть скорбь.

— Можете не снимать ботинки, — великодушно позволил он менту. И соврал: — У меня не приборано.

• *Лабиринт простых сложностей* •

Соседка, которая занималась в его квартире уборкой, ушла пару часов назад, вылизав квартиру до блеска. Она это делала через день. А он ей довольно неплохо платил.

Они прошли в гостиную. Капитан сел на стул небольшого круглого стола, более походившего на кофейный, нежели на обеденный. Иван развалился на диване.

— Мы вроде с вами уже общались, — напомнил он тут же. — Поверьте, ничего нового я вам сообщить не могу.

— Зачем же тогда согласились на встречу? — скинул его усталым взглядом Андреев.

— Подумал, что, может быть, у вас для меня появилось что-то новое. — Он обхватил колени скрещенными пальцами, мягко качнулся на диване. — Может, в ходе следствия появились какие-то факты, способные смягчить вину Ирины. Может, она оборонялась?

— Может быть... Все будто указывает на то. Но... — капитан широко развел руки в стороны. — Но она продолжает стоять на своем: там был кто-то третий.

— Третий?! — просипел Иван и в притворном ужасе отшатнулся. — Господи! Она совершенно сошла с ума! Какой третий? Кому нужна была Алла, чтобы убивать ее так... Так нелепо!

— Нелепо? — белесоватые брови капитана полезли вверх. — Что вы имеете в виду?

— Ну, товарищ капитан, вы же профессионал! Вы же лучше меня понимаете, что если кто-то собрался убить Аллу, то не полагался бы на такой случай. Ждать на площадке двумя этажами ниже, когда де-

вушки вдрызг разругаются, выскочат из квартиры и побегут вниз по лестнице. И вот тогда-то убийца и нанес свой сокрушительный удар. Согласитесь, это так себе версия.

— Да. Так себе. Если только Ирина намеренно не спровоцировала Аллу, выманив соперницу прямо на убийцу. Как вам, Иван, такой расклад? И не забывайте о ноже.

— А что нож?

— Вы опознали его. Сказали, что это нож из кухонного набора Аллы.

— Вот именно! — фыркнул он, поражаясь бестолковости капитана. — Как может нож из кухонного набора Аллы оказаться в руках третьего лица? Явно Ирка что-то выдумывает.

— Но дело в том, что кухонный нож из того набора был найден на балконе в квартире жертвы. Идентичный тому, которым были нанесены смертельные ранения Алле. И который держала в руке Ирина, когда ее обнаружили соседи.

— В смы-ысле? — вытаращился Иван и скорее угадал, чем почувствовал, как его лоб прорезают глубокие морщины. — Хотите сказать, что Аллу за-резали не ее ножом?

— Именно! — щелкнули пальцы на правой руке капитана.

— А чьим? — он теперь уже чувствовал, не угадывал, как морщится кожа на его лбу. — А кто?

— Ну... Думаю, тот, кто знал о существовании подобного ножа в наборе Аллы. Или это трагическое совпадение. А в них я... — Андреев приложил к

• *Лабиринт простых сложностей* •

уголку рта ребро ладони и заговорщически прошептал: — Не верю!

Ивану понадобилось минут пять, чтобы понять, куда капитан клонит. Он мелко захихикал и шуточно погрозил ему пальцем.

— Не выйдет, капитан. Не выйдет подтянуть меня. Алиби — раз. Отсутствие мотива — два.

— Ну, вот мотив как раз у вас имеется, — по его примеру погрозил капитан пальцем. — Избавиться сразу от двух надоедливых особ.

— Серьезно? Таким варварским способом? Увольте! Я мог бы их просто послать, и все. Да, не скрою, меня начали тяготить эти отношения. Но такое у меня случалось и ранее. И я никого не убивал, это абсолютно точно. Могу предоставить вам список моих бывших любовниц. Все живы и здоровы.

Капитан после его слов заметно сник. Видимо, алиби не раз проверил, и мотив даже ему казался сомнительным.

— А где вы встречались со своими дамами? — спросил он после паузы и потыкал пальцем в пол. — Здесь?

— Упаси меня господи! — фальшиво перепугался Иван. — Мой дом — моя крепость, и только моя. Девок сюда я не таскаю.

— Тогда где?

— У Аллы дома всегда встречались. С Ирккой по загородным отелям мотались. Иногда и у нее, когда ее тетка уезжала на дачу.

— Она жила с теткой?

— Она жила у тетки, — поправил его Иван. — И та ей об этом регулярно напоминала.

— А ее родители?

— Ничего о них не знаю. Сами у Ирины спросите...

Ирина на этот счет несла какую-то околесицу про без вести пропавших отца и мать. Еще когда она была в детском возрасте, они якобы пропали в экспедиции. Геологами были. Проверить эту информацию пока не удалось. Ее тетка потрясенно молчала, когда в ее квартире проводился обыск.

— А что о родственниках Аллы? Вам что-то известно о них? Никто не объявился. В телефоне тоже контактов не обнаружено.

— Вот у Аллы точно никого нет. Живет... — Иван на мгновение погрузился, того требовал сценарий. И поправился: — Жила в квартире родителей. Они давно умерли от болезней. Она не раз об этом вспоминала. Как ей пришлось за ними ухаживать и так далее.

— Кому же теперь достанется квартира? — поинтересовался капитан. — Квартира-то большая. Дорогая, учитывая район.

— Вы видели состояние этой квартиры? — скрикнул Иван. — Туда денег вбухать нужно миллионы, чтобы продать достойно. Ремонт еще при ее живых родителях делался. Алла не заморачивалась, ни рубля не тратила на то, чтобы розетку поменять. Ну... А кому достанется, не знаю. Может, объявится кто-то из дальних родственников. Может, государству. Меня это не очень тревожит.

— Угу... — покивал капитан.

Как будто нехотя поднялся и медленно двинулся в прихожую. У двери притормозил и, подмигнув Ивану, тихо поинтересовался: